

Гусев Артём Сергеевич

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Автором статьи рассматриваются понятия "политическая идентичность" и "социальная идентичность", обуславливаются их взаимосвязь и взаимозависимость, а также обоюдное влияние данных концептов. Кроме того, раскрывается воздействие указанных типов идентичности на поведение субъекта. Вместе с тем, в работе проведён анализ массива современных, наиболее актуальных зарубежных исследований, посвящённых вопросам социальной и политической идентичности индивида и соотносению указанных типов идентичности друг с другом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 55-59. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

17. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.
18. **Доброноженко Г. Ф.** Сельские эксплуататоры: границы социального пространства (критерии идентификации в законодательстве конца 1920-х гг.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2010. Вып. 4. С. 72-82.
19. **Документы свидетельствуют:** из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
20. **Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.):** документы и материалы. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1957. 334 с.
21. **О прекращении применения масштабных выселений и острых форм репрессий в деревне** [Электронный ресурс]: Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. № П-6028. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. **Самосудов В. М.** Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 141 с.
23. **Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-1931 гг.** / сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск: Наука, 1992. 287 с.
24. **Суслов А. А.** Изъятие крестьянской собственности в процессе социалистического преобразования деревни в начале 1930-х гг. (на примере Пермского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Ч. II. С. 172-177.
25. **Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО).** Ф. 7. Оп. 5.

“DEKULAKIZATION” OF THE GERMAN VILLAGE IN SIBERIA: STAGES AND FEATURES. 1929-1935

Gerber Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
gerberoa@mail.ru

The author determines the stages and features of the German village dekulakization, in particular shows that the rate of “identified kulaks” was significantly higher in the German colonies than in the whole of Siberia, the expropriation of the farms was mainly carried out without the participation of farm laborers, poor peasants’ groups and poor and middle class most active members, and, according to the author, the main methods, by which the state reached its goals, were administrative coercion and repressions.

Key words and phrases: peasantry; liquidation of peasant farms; “dekulakization”; “kulaks”; “liquidation of kulaks as a class”; the German Area; German colonies.

УДК 316.334.3

Политология

Автором статьи рассматриваются понятия «политическая идентичность» и «социальная идентичность», обуславливаются их взаимосвязь и взаимозависимость, а также обоюдное влияние данных концептов. Кроме того, раскрывается воздействие указанных типов идентичности на поведение субъекта. Вместе с тем, в работе проведён анализ массива современных, наиболее актуальных зарубежных исследований, посвящённых вопросам социальной и политической идентичности индивида и соотношению указанных типов идентичности друг с другом.

Ключевые слова и фразы: идентичность; идентификация; политическая идентичность; политическая идентификация; социальная идентичность; социальная идентификация.

Гусев Артём Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
argus_89@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ®

Политическая идентичность является одной из ключевых тем современных исследований в области обществоведческих и гуманитарных наук. В первую очередь к ним относятся политическая социология, политическая психология и другие области политического знания. Категория идентичности первоначально развивалась как философская категория, однако со временем она вышла за привычные рамки, привлекая внимание учёных, занимающихся проблемами социальной антропологии и психологии [5, с. 14].

Политическая идентичность является результатом процесса политической идентификации, которая в свою очередь представляет собой осознание индивидом себя как участника политического процесса, а также соотношение себя с какой-либо политической позицией в совокупности с признанием этого другими участниками политических отношений. Таким образом, в данном процессе принимают участие две стороны: с одной стороны, сам

субъект, который на основе саморефлексии соотносит себя с конкретной политической позицией, с другой – ряд индивидов, которые участвуют в политическом процессе, отождествляют данный субъект с его позицией, «подтверждают» его политическую идентичность, таким образом оценивая соответствие индивида ролевым ожиданиям. Результатом такого рода процессов является обретение субъектом политической идентичности [2].

Социальная идентичность также выступает одной из главных тем обществоведческих исследований. Данный феномен представляет собой некое переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям [4]. Фактически собственное отождествление субъекта с какими-либо социальными общностями и группами превращает его из исключительно биологической особи в существо биосоциальное, оказывает существенное влияние на формирование его личности и индивидуальности, так как в процессе соотношения или несоотношения себя с неким сообществом индивид вырабатывает уникальный формат позиционирования, характерный исключительно для него. Однако при этом отношения в рамках группы на практике теряют привязку к конкретной личности, отдельному члену группы, такого рода процессы ведут к некоей деперсонализации, деиндивидуализации и стабилизации отношений, в связи с чем члены группы не представляют себя как некое обособленное «Я», а позиционируют себя в рамках координат «Мы» – «Они». Кроме того, в процессе нахождения в группе индивид приобретает позитивное мышление в отношении самого сообщества, то есть членство в нём приносит ему удовлетворение и, возможно, даже радость [1]. Далее субъект начинает неразрывно связывать собственное благополучие и успешность группы, у него возникает чувство долга, выражающееся в построении адекватных и позитивных отношений с членами объединения. Вместе с тем другие группы понимаются субъектом как конкуренты, в связи с чем его деятельность обуславливается стремлением к приумножению благосостояния сообщества и тем или иным соперничеством с другими объединениями.

Актуальность исследования идентичности в современном мире обуславливается её всесторонним влиянием на общественные процессы: политические, экономические, социальные, культурные. В связи с этим идентичность выступает одним из главных факторов, которые определяют состояние мирового человеческого сообщества, а также идентичность, так или иначе, оказывает решающее влияние на формирование этнических, политических, социальных и других сообществ, преобразующих окружающее их пространство и трансформирующих собственное бытие в соответствии с собственными убеждениями, правилами и принципами. Кроме того, утрата идентичности ведёт к формированию ложных ценностей, целей и идеалов [3, с. 115]. При этом стоит отметить, что политическая идентичность или идентичность социальная влияют не только и не столько на политическую и социальную сферу соответственно, но и оказывают взаимное влияние на все сферы и аспекты общественной, государственной и международной жизни. Что касается взаимосвязи социальной и политической идентичности, то здесь важно подчеркнуть то, что обе они имеют групповую природу, а также при определённых условиях в процессе актуализации какой-либо из них она может определять вторую. Это проявляется в процессе соотношения индивида с каким-либо сообществом и принятием его политической позиции, своеобразная «ратификация» установленных «правил игры», либо его идентификация с социальной группой, исходя из политических предпочтений.

В связи с изложенным выше, мы можем говорить о наличии весьма сильной взаимосвязи социальной и политической идентичности личности. В результате чего исследования данной взаимосвязи на современном этапе являются весьма актуальными как в отечественной, так и зарубежной политической и социологической науках. Далее мы рассмотрим более подробно подходы зарубежных исследователей, занимающихся указанным выше вопросом.

К такого рода исследованиям относится работа Дж. Фаулера и С. Кэм «После самости: социальная идентичность, альтруизм и политическое участие» [9]. В данной статье учёные характеризуют социальную идентичность как некую «заботу» о членах социальной общности, с которой ассоциирует себя конкретный индивид, противопоставляя данное стремление альтруизму (желанию «угодить» всем без исключения) и эгоизму (деятельности, основывающейся исключительно на личных мотивах). Авторы делают особый акцент на том, какие выгоды в состоянии получать субъект от участия в том или ином случае. Кроме того, каждая из форм поведения, так или иначе, влияет на характер вовлечённости актора в политический процесс. Основой методологии исследования стала теория рационального выбора. Что касается результатов, то безусловным является то, что основными «двигателями» человеческого поведения являются личные мотивы и интересы. Однако, согласно полученным результатам, альтруисты могут принимать даже большее участие в политической жизни государства, чем эгоисты. Причем альтруисты идентифицируют себя с той политической силой, которая предлагает некий усреднённый вариант, выгодный для всех категорий населения. В то время как индивиды с выраженной социальной идентичностью и приверженностью каким-либо общественным группам стремятся получить наибольшие выгоды от распределения благ в свою пользу и потому идентифицируют себя с соответствующими политическими силами. При этом идеальной ситуацией для конкретной группы будет вариант с межгрупповым перераспределением социальных выгод в её пользу и отторжением части выгод у других социальных групп. Всё это может происходить вместе с увеличением общего благосостояния, но на фоне более серьёзных выгод для конкретной социальной общности. В любом случае альтруисты и индивиды, действующие в соответствии с интересами социальных групп, имеют более чёткие политические позиции и принимают большее участие в политическом процессе, чем эгоисты [Ibidem, p. 824-825].

Что касается выводов, полученных по вышеназванному исследованию, то, согласно заключениям Дж. Фаулера и С. Кэм, индивиды с ярко выраженной социальной идентичностью наиболее чётко идентифицируют себя с какой-либо политической партией и понимают, что хотят получить от политического курса. Таким образом, социальная идентичность, по мнению авторов, оказывает значительное влияние на принятие окончательного решения: к примеру, стремясь реализовать внутригрупповые интересы, сторонники одной

из партий желают, чтобы сторонники иных политических сил не получили схожих с ними предпочтений. Используя теорию игр, Дж. Фаулер и С. Кэм пришли к выводу о чёткой зависимости силы социальной идентификации, альтруизма и эгоизма (в их интерпретации), с одной стороны, и политическим участием и активностью в целом – с другой [Ibidem].

Обратимся далее к исследованию взаимосвязи социальной и партийной идентичности, проведённому Л. Хадди и его коллегами, под названием «Изучая партийную идентичность как идентичность социальную: прогнозируя политическую активность» [13]. В процессе использования различных способов анализа идентичности личности, а также опираясь на разнообразные объяснения и прогнозы политической ситуации и активности граждан, учёные пришли к выводу, что эти способы не всегда подходят для изучения партийной идентичности, идеологических пристрастий и политического поведения субъекта [Ibidem, p. 2]. Вместе с тем теория социальной идентичности фактически толкает учёных на создание собственной шкалы политической идентичности, которая позволяет объяснять политическую активность субъекта. Данная шкала основана на измерении партийных пристрастий респондента в противовес его идеологическим ориентациям, что позволяет более точно исследовать динамику политического поведения субъекта и характер политической активности [Ibidem].

Л. Хадди продолжает тему теоретического осмысления социальной идентичности и её влияния на политический процесс в работе «От идентичности социальной к идентичности политической: критическое исследование теории социальной идентичности» [12]. Учёный рассматривает генезис теории социальной идентичности, отмечая, что в последние годы интерес к изучению процесса идентификации в современном мире в рамках гуманитарных наук повсеместно растёт, однако упор при этом делается на количественные измерения политического поведения субъекта в ущерб психологическим особенностям личности [Ibidem, p. 127]. При этом именно теория социальной идентичности является подспорьем в данном вопросе, по мнению Л. Хадди, а пренебрежение ею в рамках политических исследований в целом и политической психологии в частности связано с нежеланием учёных изучать социальную идентичность субъекта ввиду сложности данного вопроса [Ibidem].

Тема взаимосвязи социальной и политической идентичности является одной из сквозных в работах Л. Хадди. Учёный продолжает исследование данного процесса в работе «От групповой идентичности к единству политических взглядов и предпочтений» [11]. Здесь автор отмечает, что члены объединений по принципу расы, пола, религии, этнической принадлежности могут транслировать политические предпочтения в рамках данных групп, формируя вектор общей политической активности в целом [Ibidem, p. 2]. Рассматривая национальную идентичность в демократическом обществе, Л. Хадди характеризует ее как одну из опор гражданских норм, в то время как идеологическая идентичность является одним из базисов политического действия. Так или иначе, идеологическая и национальная составляющие также могут являться основой для формирования тех или иных групп. Таким образом, тщательное изучение групповой природы общества ведёт к пониманию политического действия субъекта. Следовательно, групповые объединения индивидов по вышеуказанным признакам оказывают важнейшее влияние на политическую ситуацию, политическое действие и политическую идентичность. Кроме того, социальные группы также оказывают серьёзное воздействие на политическую идентичность своих членов, что происходит в результате политизации отношений внутри группы под влиянием других групп, при слиянии с другими объединениями, а также при политизации подгруппы, которая впоследствии может распространиться на всё сообщество. Этим обусловлена важность изучения социальных групп в рамках исследования политической идентичности субъекта [Ibidem, p. 2-5].

Анализируя зарубежные исследования, необходимо также упомянуть о мультиуровневой модели партийной идентификации Т. Меца, которая базируется на расширенном толковании теории социальной категоризации, представленном в его труде «Мультиуровневая модель партийной идентификации» [15]. Согласно условиям, респондент определяет своё место в социальных группах, исходя из информации о себе и своих контактах [Ibidem, p. 1]. Далее эта информация фиксируется в некоем идентификационном прототипе субъекта и соотносится с данными других респондентов, так или иначе контактирующих с ним, чтобы понять степень их взаимодействия и единства в социальных группах и, как следствие, однородности социальных групп. Схожая методика используется для выявления партийной идентификации [Ibidem, p. 25-26].

Взаимосвязь социальной и политической идентичности индивида рассматривается в диссертации К. Девайна «Идеологическая составляющая социальной идентичности: как психологические привязанности к идеологическим группам формируют политические отношения и поведения» [7]. Учёный ставит своей целью не только анализ традиционных компонентов социальной идентичности, но и её идеологической составляющей (что, по его мнению, делалось весьма эпизодически). Согласно исходной посылке теории социальной идентичности, субъект ассоциирует себя с какой-либо социальной группой (или несколькими), что оказывает прямое влияние на структуру его идентификации. Вместе с тем учёные редко рассматривали идеологическую составляющую социальной идентичности, её влияние на деятельность социальной группы, политические взгляды и поведение её членов. В диссертации учёный использует эмпирические данные двух оригинальных исследований, данные американского Центра изучения выборов за 1984-2008 гг. для обоснования достоверности взаимосвязи социальной идентичности и идеологической идентификации индивида, а также для подтверждения эмпирической значимости и правомерности его подхода [Ibidem, p. 2].

В ходе анализа учёный приходит к выводу, что идеологическая компонента социальной идентичности индивида оказывает серьёзное влияние на его политические установки. При этом установки могут быть как внутригрупповыми, так и внегрупповыми. Отмечается, что психологическая привязанность субъекта к той или иной группе способствует перенесению идеологических установок группы на субъекта. Причём такая зависимость, согласно эмпирическим данным, в США становится всё более сильной (исходя из данных за рассматриваемый период) и особенно ярко выражена в среде представителей консервативных политических

взглядов. Вместе с тем социальная группа транслирует её членам в первую очередь именно идеологию, а не идентификацию с какой-либо партией [Ibidem, p. 4].

Таким образом, идеологическая составляющая социальной идентичности индивида вносит серьёзные коррективы в процесс его поведения, в первую очередь поведения политического, а также влияет на результат электорального выбора [Ibidem].

Исследование взаимосвязи социальной идентичности и идеологии проводит также П. Ингл в работе «Принимая социальную идентичность всерьёз: изучение политической идеологии без идей» [8]. В данной статье учёный приводит результаты исследования степени политических размежеваний в обществе, которые основаны на отношении индивидов к политическим силам и группам. В качестве эмпирической базы учёный так же, как и К. Девайн, использует данные американского Центра изучения выборов [Ibidem, p. 1]. Учёный ставит целью оценить различия партийных и идеологических предпочтений с точки зрения социальных позиций и информированности граждан. В основе модели, представленной учёным в данной работе, лежат установки индивидов и их идеологические ориентации, формирующие базис их политической идентификации. При этом отнесение респондента к той или иной группе во многом зависит от его информированности по ключевым политическим вопросам [Ibidem, p. 23-24].

Далее стоит отметить работу «Социальная идентичность, самоопределение и групповые нормы» [10] авторов М. Хогг и А. Рид, в которой тоже говорится о групповой природе идентификации и установок индивида. В работе особо подчеркивается, что групповые нормы и правила формирует небольшая подгруппа лидеров. Именно эта подгруппа является ретранслятором установок, которые оказывают систематическое влияние на структуру идентификации агента. Таким образом, социальная идентичность с группой становится неким психологическим связующим механизмом, то есть, идентифицируя себя с группой, субъект перенимает внутригрупповые установки, которые фактически являются установками её лидеров [Ibidem, p. 23-24].

В то же время социальная идентичность выступает одной из главных основ электорального поведения и идентификации себя с кандидатом на выборах, на что указывают в своей работе «Социальная идентичность и поведение избирателя» А. Бен-Бассат и М. Дахан [6]. На примере арабских стран они пришли к выводу, что избиратель ассоциирует себя с членом той же социальной группы, с которой он себя идентифицирует, и, соответственно, голосует за такого кандидата. Таким образом, социальная идентификация самым прямым образом влияет на политическую идентификацию субъекта [Ibidem, p. 31-32].

Далее стоит отметить работу Э. Сухэй «Влияние без причины: роль личности и эмоции в политическом соответствии и поляризации» [16], в которой учёный утверждает, что связь с общественной группой и социальная идентичность субъекта во многом зависят от его эмоциональных установок [Ibidem, p. 2]. К примеру, чувство гордости или стыда может быть как «катализатором» принятия группового мнения, так и своеобразным «ингибитором», приводящим к девиантному поведению субъекта относительно остальных членов группы и неприятию групповых норм. Всё это, так или иначе, относится к групповому отношению по всем вопросам, в том числе и политическим. Таким образом, на уровне общества, эмоциональное состояние выступает как социально-психологический механизм содействия политической однородности внутри социальных групп, с одной стороны, и политической поляризации между ними – с другой [Ibidem, p. 24-26].

Обратимся также к работе С. Клар «Влияние сталкивающихся идентичностей на политические предпочтения: экспериментальное исследование» [14]. Учёный отмечает, что большинство американцев идентифицирует себя с несколькими социальными группами с весьма контрастными взглядами, что в итоге влияет на структуру политических предпочтений. При этом в случае, если члены групп используют схожие аргументы, то фактически влияние этих аргументов на политический выбор респондента минимален, и он будет следовать изначально выбранной установке. В противном случае при принятии окончательного решения субъект будет сильно колебаться [Ibidem, p. 1].

Таким образом, мы видим, что тема взаимосвязи социальной и политической идентичности личности является одной из ключевых в политических и социологических зарубежных исследованиях. Причиной этого выступает наличие весьма сильной корреляции между наблюдаемыми явлениями, на что указывает обширный эмпирический материал, полученный в ходе проведения мониторинга электорального поведения и различных исследований поведения политического и протестных движений. Так или иначе, многие поведенческие мотивы респондентов объясняются их идентификацией с социальной группой, а также ретрансляцией ценностей и принципов её лидеров, которые оказывают ключевое влияние на внутригрупповую структуру и направление поведения членов группы. Вместе с тем через социальную идентичность происходит перенесение не только политических предпочтений, но и идеологических установок входящих в сообщество индивидов. Кроме того, возможен и обратный сценарий (что уже отмечалось выше), то есть идентификация субъекта с группой, исходя из его политических или идеологических пристрастий. Таким образом, безусловно, взаимное влияние социальной и политической идентичности индивида весьма велико, а также они во многом определяют его политическое и электоральное поведение и позицию в поле политики.

Список литературы

1. **Жмуров В. А.** Социальная идентичность [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/socialnaja-identichnost> (дата обращения: 24.03.2013).
2. **Качанов Ю. Л.** Опыты о поле политики. М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. 159 с.
3. **Мансуров Т. З.** Политические факторы институционализации идентичности Южного Кавказа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 114-120.

4. Мешеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК; ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 666 с.
5. Попова О. В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 13-29.
6. Ben-Bassat A., Dahan M. Social Identity and Voting Behavior [Электронный ресурс]. URL: <http://public-policy.huji.ac.il/upload/Social%20Identity%20and%20Voting%20Behavior-final%20version.pdf> (дата обращения: 07.01.2013).
7. Devine C. J. Ideological Social Identity: How Psychological Attachment to Ideological Groups Shapes Political Attitudes and Behaviors. The Ohio State University, 2011. 289 p.
8. Engle P. J. Taking Social Identity Seriously: Measuring Political Ideology without Ideas [Электронный ресурс]. URL: [https://myweb.space.wisc.edu/pjengle/web/Engle%20-%20Behavior%20Group%20%20\(11-29-10\).pdf](https://myweb.space.wisc.edu/pjengle/web/Engle%20-%20Behavior%20Group%20%20(11-29-10).pdf) (дата обращения: 15.01.2013).
9. Fowler J. H., Kam C. D. Beyond the Self: Social Identity, Altruism, and Political Participation // The Journal of Politics. 2007. Vol. 69. № 3. P. 813-827.
10. Hogg M. A., Reid S. A. Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms // Communication Theory. 2006. № 16. P. 7-30.
11. Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment. N. Y.: Oxford University Press, 2013. 832 p.
12. Huddy L. From Social to Political Identity: a Critical Examination of Social Identity Theory // Political Psychology. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127-156.
13. Huddy L., Mason L., Aaroe L. Measuring Partisanship as a Social Identity, Predicting Political Activism: a paper presented at the annual meeting of the International Society for Political Psychology. San Francisco, CA, 2010. July 7-10.
14. Klar S. The Influence of Competing Identities on Political Preferences: an experimental study: a paper presented at the annual meeting of the Midwest Association of Public Opinion Research (MAPOR). Chicago, Ill., 2013. November 16-17.
15. Metz T. A. Multilevel Model of Party Identification: a paper presented at the ECPR General Conference. Reykjavik, 2011. August 25-28.
16. Suhay E. Influence without Reason: the Role of Identity and Emotion in Political Conformity and Polarization [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.lafayette.edu/suhay/files/2012/10/Suhay-Influence-without-Reason-100512.pdf> (дата обращения: 25.01.2013).

MODERN FOREIGN RESEARCHES ON INTERACTION OF PERSONALITY'S SOCIAL AND POLITICAL IDENTITY

Gusev Artem Sergeevich
St. Petersburg State University
argus_89@mail.ru

The author considers the notions “political identity” and “social identity”, substantiates their interaction and interdependence, as well as the mutual influence of these concepts, furthermore reveals the impact of these types of identity on the subject's behaviour, and conducts the analysis of the array of modern, the most topical foreign researches on the social and political identity of the individual and the correlation of these types of identity with each other.

Key words and phrases: identity; identification; political identity; political identification; social identity; social identification.

УДК 1.14

Философские науки

В статье рассматриваются значение и смысл «духовной жизни» социума. Эта идея включает в себе некое «предпонимание» предмета данной жизни. Выявляется целый ряд концептуальных оснований, лежащих в основе понимания «духовной жизни». Обоснована значимость творческого и мировоззренческого аспектов понятия «духовной жизни», которая предстаёт как некий «инвариант» духовного, нравственного развития субъекта, характерный для различных культурных традиций.

Ключевые слова и фразы: духовная жизнь; творчество; «инвариант» духовного развития; культурная традиция; «архетип» человечности и человеческого рода.

Дадашов Анар Бахтияр оглы

Дадашов Мурад Бахтияр оглы

Бакирский государственный университет
murad-ufa@mail.ru

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КАК «АРХЕТИП» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА[©]

Идея «духовной жизни» социума и личности человека включает в себе некое «предпонимание» предмета, который нами должен быть детальным образом рассмотрен. «Духовную жизнь», по всей видимости,